

Ольга ИВИНСКАЯ:
ГОДЫ С БОРИСОМ
ПАСТЕРНАКОМ.
В ПЛЕНУ У ВРЕМЕНИ
Изд. «Либрис», 1992.

ИЗ ВСЕХ телевизоров, радиоточек, с эстрад, презентаций и аляпуршетов несутся призывы быть милосердными, благосердными. Все уговаривают один другого любить ближнего и проявлять благотворительность. Нетерпеливые правнуки Паниковского — те, отлавливая потенциальных спонсоров, просто берут за глотку: «Поддай миллион!»

Самое удивительное, что среди этого гвалта, моды и спекуляции на святом все-таки действительно случаются моменты благосердия, участия к ближнему. Об одном из них я и хочу сказать, об этом должны знать люди.

Центр «Детям Чернобыля» Московской региональной организации «Союз-Чернобыль» (а конкретно — эксперт Госкомчернобыля России Б. М. Мансуров, ТОО «Чернобыль-пресс») взял и без всякого барабанного боя сотворил доброе дело — подготовил к печати, отпечатал (на отличной бумаге, с иллюстрациями), выдал на книжные прилавки и развез мемуарную повесть, написанную человеком, который сегодняя как никто другой достоин нашего общего вни-

мания, помощи и реального сочувствия.

Я говорю о благотворительном издании книги Ольги Ивинской «В плену у времени» (в данном случае у нее еще один заголовок — «Годы с Борисом Пастернаком»).

Собственно, вышесказанным можно было бы и ограничиться. Мемуары Ольги Ивинской знают все любители литературы (из которых, надо думать, и состоят читатели и подписчики «Литературных новостей»). Лет пятнадцать назад мы зачитывались ими, передавая из рук в руки томик, отпечатанный в зарубежных даях и подобно всякой такой литературе, нелегально перешедшей государственную границу СССР, содержащий в маскированной обложке, оторванной от какого-то «Вечного зова». Книга, казалось, никогда не светило быть изданной на отчей земле...

Так откровенно написать о Пастернаке! О знаменитом художнике, которого никогда, пожалуй, не изображали откровенно, ни до, ни после — ни тогда, когда его имя было под политическим подозрением, а потом под анафемой, ни тогда, когда он был причислен к небожителям и отныне его невозможно было представить без белого венчика из роз...

А здесь он на редкость земной, «бытовой» — и тем не менее романтический, потому что это человек влюбленный, пытающийся спастись в такой поздней своей любви, и не нужно ему у ног любимой ни венчика из роз, ни горделивого взгляда мэтра, пророка из страны поэзии.

Ольга Ивинская жила Пастернаком, каждой крошечкой была неотделима от него, его имени, его стихов. В «Докторе Живаго» она изображена под именем Лары, героини романа, именно ей были посвящены стихи, переадресованные потом Живаго-поэту. Девочка Катенька в романе — это дочь Ольги Всеволодовны (о том, что КГБ сделал с ней, можно узнать не только из книги, но и из совсем свежей публикации — Ирина Емельянова выступила в газете «Совершенно секретно» (№ 12, 1992) с сенсационным письмом, озаглавленным — «Шестая грань. Загадочная болезнь и КГБ»).

«Была неотделима»... А между тем дважды была брошена на гулаговский этап, и оба раза за «преступ-

ления», связанные с именем Пастернака. Так что все-таки «отделима»... В 1958 году Борис Леонидович писал в частном письме: «Ее героизму и выдержке я обязан своей жизнью и тому, что меня в те годы не брали»...

«Была неотделима» — я не побоялся сентиментальной банальности этих слов, потому что в этом случае подразумевается нечто другое, чем принято думать. Книга эта поразила меня вот чем: женщина захотела рассказать всего о нескольких годах, проведенных с Борисом Пастернаком, о частных сторонах своей жизни и конкретных фактах, с ним связанных. А

**БОРИС ПАСТЕРНАК:
«ЕЕ ПОСАДИЛИ ИЗ-ЗА МЕНЯ
КАК САМОГО БЛИЗКОГО МНЕ
ЧЕЛОВЕКА...»**

рассказала на самом деле о **всей его жизни**. Обо всем, что связано с именем «Борис Пастернак». Юность, Сталин, страшный разговор о Мандельштаме, война, Цветаева, Елабуга, эпопея «Доктора Живаго», судилище в Доме кино, Нобелевская премия, газетная травля, исключение из писателей, Хрущев, смерть члена Литфонда... Для нее весь свет сошелся на нем, и рассказать для нее о частном — значит рассказать о всем сущем на земле. Такова логика любящего сердца. Потому и говорится о ней — «неотделима»...

Сейчас в печати опять кто-то поднимает очередную мутную волну против Ольги Всеволодовны Ивинской. Чего-то ей не могут простить до конца дней. Наверно, того, что очень уж любила. И что он ее любил. Что ж, можно сказать: книга вышла очень вовремя, спасибо добрым людям. Сама Ольга Ивинская в предисловии, помеченном 1992 годом, говорит:

«Таким вот, живым, я и попыталась изобразить его на страницах своих воспоминаний. Впрочем, это так говорится — воспоминаний: когда я работала над книгой, все события, встречи, отдельно брошенные слова, совершенные ошибки, размолвки и примирения захлестывали меня живой, сиюминутно накаляющейся волной, и это была не память о жизни, а вновь проживаемая жизнь».

Пастернак Борис

01.93